

Н. В. НОВИКОВ

Н. А. ИВАНИЦКИЙ И ЕГО ПЕРЕПИСКА С П. В. ШЕЙНОМ

(МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ СОБРАТЕЛЯ)

Николай Александрович Иваницкий, этнограф, фольклорист, поэт и ботаник, родился 12 февраля 1847 года¹ в Вологде в семье дворянина, старшего учителя математики и физики вологодской гимназии Александра Ивановича Иваницкого.²

Детство Н. А. Иваницкого прошло в Вологде; позднее (около 1858 года) вместе с семьей он переезжает в Петербург, где оканчивает 2-ю Петербургскую гимназию и поступает в университет. Замешанный в студенческих «беспорядках» конца 60-х годов, он в административном порядке с первого курса университета высылается на родину в Вологодскую губ. Живет в Вологде, Тотьме, общается с политическими ссыльными, особенно с теми из них, у кого подмечает черты гордого, непреклонного и независимого характера; ему нравятся люди атеистически настроенные.³

С огромной теплотой и задушевностью Н. А. Иваницкий относится к простому люду, искренно и глубоко сочувствует его обездоленной судьбе. Так, делясь своим впечатлением о въезде в Тотьму, он говорит: «Меня всегда поражал страшный контраст между этими несчастными хатами, в которых люди, конечно, уже не живут, а бедствуют, и великолепными церквями, колокольни которых видно иногда за десятки верст. Разумеется, храмы эти воздвигнуты не теми несчастными, которые жмутся и голодают в своих хатах, и не их предками, а купечеством, но все-таки на деньги, собранные по грошам с этих самых обитателей хат».⁴

Нет сомнения, что демократические убеждения Иваницкого и лучшие моральные качества его прямой, открытой и честной натуры, не терпящей компромиссов и угодничества перед сильными мира сего, складывались и

¹ Биографы ошибочно относят время рождения Н. А. Иваницкого к 1845 году. Дата уточнена нами на основе его письма к Шейну от 12 февраля 1888 года (Архив АН СССР, ф. 104, оп. 2, № 78; дальнейшие выдержки из переписки Иваницкого с Шейном цитирую по этому же источнику).

² Неизвестно почему, но ни один из биографов имя отца Иваницкого не называет. Более того, в литературе до настоящего времени существует на этот счет недоговоренность и просто путаница, внесенная, как это ни странно, позднейшими исследователями. Если люди, близко знавшие Н. А. Иваницкого — писатель А. Круглов и Л. Зверинцев, указывали, что он родом из дворян, не называя при этом ни занятий, ни настоящего положения отца (см. «Русские ведомости», 1899, № 350 и «Олонецкие губернские ведомости», 1899, № 92), а С. Коваль говорил об отце Иваницкого как об учителе математики и физики Вологодской гимназии («Вологодский листок», 1912, № 353), то позднейшие исследователи или вовсе не затрагивали этого вопроса, или, как Я. Кузьмин и И. Перфильев, безапелляционно утверждали, что о родителях Иваницкого «ничего не известно» («Север», кн. 2, Вологда, 1923, стр. 11).

³ Н. А. Иваницкий. Записки, ч. II. «Север», кн. 2, Вологда, 1923, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 36.

крепля под непосредственным воздействием передовой революционно-демократической идеологии 60-х годов.

Из-под надзора полиции Иваницкий освобождается зимой 1870 года; ему предоставляется право жить где угодно, за исключением столицы и столичных губерний. До весны 1871 года он живет в Вологде, дает частные уроки и, несмотря на крайне стесненные материальные условия, продолжает настойчиво заниматься самообразованием.

С добродушной иронией до крайности неприхотливого человека он так живописует свое житье-бытье в сырой и холодной комнате по Екатерининской улице Вологды в зиму 1870/71 года: «В данном случае требовалось только законопатить щели и двери, а это я мог сделать сам. Старая немецкая библия обречена была на конопатку. Все пятикнижие ушло в щели под печкой, в один угол забиты были пророки с псалтырем, в другом царя иудейские и израильские, в третий Иов с притчами, в четвертый весь новый завет, переплетом же заставлена дыра в стекле. Стало заметно теплее, но все еще нельзя было сидеть за столом спустя ноги, а только подогнувши их. Около печки стояла широкая двухспальная кровать, и так как матраца на ней не было (я спал на шубе), то мне и пришло на мысль превратить эту кровать в мезонин; именно я поставил на нее стол и стул и сюда „уходил“ заниматься».⁵

Весной 1871 года Иваницкий «перекочевывает» в Тотьму; отсюда предпринимает кратковременную поездку на юг России (Екатеринославль, Крым); возвращается в Вологду и поступает учеником на телеграф; телеграфистом служит в Ярославле и Вытегре (70-е годы); снова переезжает в Вологду и работает в местной библиотеке; служит в Никольске, Устюге. а с 1886 года — в Кадникове.

В эти кочевые, беспокойные годы (1871—1886) Иваницкий проявляет себя как поэт и ботаник. Его стихи начиная с 1871 года печатаются в журналах «Дело», «Неделя», «Всемирная иллюстрация», «Русский паломник», «Наблюдатель». В 80-е годы имя Иваницкого — поэта и переводчика становится известным в литературных кругах столицы.

При жизни он опубликовал только небольшую часть своих стихотворений (около 20). После смерти несколько из неизданных его стихотворений промелькнуло на страницах «Вологодского листка» (1912) и журнала «Север» (1923, кн. 2); остальные или затерялись, или покоятся в архивах и на руках частных лиц.⁶

С 1878 года Иваницкий начал ревностно заниматься ботаникой. С целью сбора данных о флоре местного края он предпринимает две поездки на Печору (1881 и 1885)⁷ и совершает многочисленные экспедиции в окрестности Вологды. Составленный им в 80-х годах гербарий и список растений Вологодской губернии становится широко известным русским и иностранным ученым.

⁵ Н. Иваницкий. Записки. «Север», кн. 3—4, Вологда, 1923, стр. 65.

⁶ Одну из таких «затерявшихся» тетрадей стихотворений Иваницкого нам удалось обнаружить среди бумаг А. Шахматова (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 2, № 260). Найденная тетрадь делится на две большие части: первая включает оригинальные, а вторая переводные стихотворения. Всего тетрадь содержит 187 стихотворений, из них — 112 оригинальных и 75 переводных (из Гейне, Эйхендорфа, Кёрнера, Уланда и Рюккерта). Это, пожалуй, наиболее полное из известных рукописных собраний стихотворений поэта.

⁷ Результаты первой поездки изложены им в «Путевых заметках из Вологды на Печору» (Архив Всесоюзного Географического общества, № 50) и кратко описаны в очерке «Ботаническая прогулка из Вологды на Печору» («Вологодские губернские ведомости», 1882, №№ 32—36), результаты второй — в очерке «Вологодская Печора (из путевых записок)» («Вологодские губернские ведомости», 1886, №№ 17, 19—21).

Почти одновременно с началом занятий по ботанике, а именно с 1880 года, Иваницкий приступает к сбору этнографического материала, а с 1882 года — русских народных песен Вологодской губернии. Первое собрание записанных им песен, сказок, заклинаний и загадок он направляет в Русское Географическое общество и печатает их (за исключением сказок) в «Вологодских губернских ведомостях» (1883—1884; перепечатано в «Сборнике Вологодской статистической комиссии», т. III, 1883 и т. IV, 1885); второе, состоящее из песен, пословиц и загадок, отправляет на хранение к Я. К. Гроту.

Во второй половине 80-х годов интерес Иваницкого к фольклору и этнографии значительно возрастает: он вступает в письменные и личные сношения с Я. К. Гротом, П. В. Шейном, В. И. Ламанским, позднее — А. А. Шахматовым и другими, принимает участие в работе по составлению академического «Словаря русского языка», издает свой капитальный труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (сказки, заговоры и пр.) в «Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (т. LXIX, 1890) и печатает ряд работ по этнографии и фольклору в «Живой старине» и «Этнографическом обозрении».

Последнее десятилетие жизни Иваницкого проходит под знаком дружбы с Шейном и активного и плодотворного сотрудничества в его сборнике «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (т. I, вып. 1—2, СПб., 1898—1900).

Обращение Шейна к «просвещенным людям провинции» о сборе и присылке к нему песен времен крепостной зависимости, напечатанное в его предисловии к сборнику «Крепостное право в народных песнях» («Русская старина», 1886, кн. 2 и 3) и перепечатанное в «Русской мысли», застаёт Иваницкого в г. Кадникове (Вологодской губ.) на должности, как он говорил, «подставного» секретаря земской управы.

В Кадникове, как и в других местах службы, он ведет скромный и одинокий образ жизни; свободное от официальных дел время уделяет самообразованию, работе в земской библиотеке, научным занятиям.

С обращением Шейна Иваницкий знакомится по «Русской мысли» и 10 мая 1887 года отвечает на него письмом, в котором пишет:

«Надо сказать, что я давно уже занимаюсь исследованием вологодской флоры, исколесил всю губернию и, собирая растения, не упускал случая записывать и песни и местные словечки, таким образом и выросли сборник и словарь, и я очутился в положении отца, обремененного семейством... С главным своим детищем — списком растений, я справляюсь и оно развивается нормально, сборники же песен, пословиц и загадок и словарь, это, так сказать, побочные дети; они растут и пристроить их надо, а сил или, вернее, времени не хватает...»

«Я все подыскивал какого-нибудь специалиста по части народной поэзии, чтобы списаться с ним, увидеться, если возможно, и показать свой сборник, но тщетно. Может быть, Вы в этом случае подадите добрый совет? Ваше имя мне давно знакомо (у меня есть Ваш сборник белорусских песен), но я не знал, живы ли Вы и где живете?».

Письмо Иваницкого как нельзя кстати: в системе будущего «Великорусса» был заметный пробел — недоставало материалов по Вологодской губернии, и Шейн не замедлил ответом своему новому корреспонденту, предложив стать обязательным вкладчиком его сборника. Иваницкий согласился; он также посоветовал Шейну воспользоваться его рукописным сборником, пересланным Я. Гроту, и обещал выслать сборник загадок и пословиц.

«Вообще я постараюсь, — писал Иваницкий 22 февраля 1888 года, — чтобы со временем все, что есть у меня, было бы и у Вас, и прошу Вас раз и навсегда распорядиться тем материалом, который я Вам стану посылать по Вашему усмотрению, никогда не заботясь мыслью о том, что мне, может быть, „жалко“ или что мне хочется видеть напечатанным свой материал под собственным своим именем; этого не было, да и впредь не будет; вообще я человек не подозрительный, не завистливый, а что нравится, что требуется — берите и пользуйтесь с богом. Желая только одного, чтобы Вы поправились и чтобы нам еще долго можно было находиться в сношениях».

Сборник Иваницкого, перешедший от Я. Грота к Шейну и сохранившийся в архиве последнего,⁸ в количественном и в качественном отношении являлся для составителя «Великорусса» существенной находкой.

Очевидно, не доверяя тому, что корреспондент мог так просто распорядиться с драгоценной ношей и передать богатейший материал, собранный в течение многих лет, в безвозмездное пользование другого человека, Шейн добивается от него вторичного письменного согласия на разрешение «украинить» обрабатываемый им сборник «некоторыми заимствованиями» из переданного «прекрасного труда».⁹

Иваницкий вторично подтверждает: «Разрешение мое пользоваться песнями моего сборника остается в силе. Ведь я и Я. К. Гроту послал рукописи с той целью, чтобы он давал ими пользоваться по своему усмотрению. Меня только может радовать, что Вы нашли в моем сборнике вещи, которые Вамгодились».¹⁰

Сборник Иваницкого состоит из двух томов. В первый том входят (без подразделения на рубрики) песни семейные, игровые, любовные и пр.; во второй — обрядовые (свадебные песни и причеты). Всего 631 номер. Составитель сборника не ставил себе целью научную систематизацию материала внутри каждого тома: песни включались в сборник по мере их поступления (записывания).

К первому тому дано предисловие, сжато излагающее историю настоящего труда и заключающее ценные сведения для характеристики Иваницкого как фольклориста.

Из предисловия видно, что начало сборнику положено осенью 1882 года, когда собиратель от своего приятеля М. М. Кукулина, учителя Вологодского городского училища, записал несколько песен, распеваемых в самой Вологде на чиновничьих вечеринках. К осени того же года относится знакомство его с известными вологодскими кружевницами А. Ф. и С. П. Брянцевыми. Мать и дочь Брянцевы отличались не только искусным рукоделием, но и знанием и исполнением народных песен.

Анфия Федоровна Брянцева (мать) происходила из духовного звания. Молодость провела в селе Несвойском Вологодской губ. Выйдя замуж за чиновника Брянцева, поселилась в Вологде. В 1882 году ей было 70 лет. «Несмотря на то, — замечает Иваницкий, — она поражала живостью характера; работала без усталы целые дни и еще пела». К тому же она отличалась «неудожинным умом и замечательной памятью».

Дочь ее Софья Петровна превосходила свою мать и в том и в другом отношении. Запись от Брянцевых Иваницкий производил всю осень и начало зимы 1882 года, появляясь в их доме по вечерам, когда, по словам собирателя, Анфия Федоровна сидела сбыкновенно за своими «сколками».

⁸ Архив АН СССР, оп. 1, №№ 87 и 89.

⁹ Черновик письма Шейна к Иваницкому. Архив АН СССР, оп. 1, № 772.

¹⁰ Письмо от 26 февраля 1892 года.

В 1883 году, переселившись из Вологды в Никольск, Иваницкий еще долго поддерживал письменную связь с Софьей Петровной, ставшей его задушевной приятельницей и хранительницей некоторых рукописей. Песни, записанные от Брянцевых, явились надежным основанием рукописного сборника Иваницкого.¹¹

Фольклорный материал, как правило, он записывал сам, на месте под диктовку народных исполнителей. Об особенностях приема своих записей собиратель рассказывает следующее:

«С самого начала работы, я принял за правило записывать все без разбора, даже маленькие обрывки песен, иногда один первый стих или два-три из середины, и вот почему. Встретившись с личностью, знающей и поющей деревенские песни, я сперва предоставлял ей волю диктовать или петь мне песни по ее выбору. Когда весь запас истощался, я вытаскивал тетрадку с отрывками и спрашивал: а такая-то или такая-то песня знакома? Очень часто оказывалось, что песня известна и записывалась по данному первому стиху или восполнялось недостающее окончание; в конце концов мною прочитывались те, в которых были очевидные искажения или путаница (напр. две, даже три песни, сбитые в одну, что зачастую случается)».

Подразделив народные песни на старинные и современные, Иваницкий включил в свой сборник и те и другие. Из группы старинных песен он исключил лишь явно искаженные или неполные, из группы современных выбрал те, которые, по его мнению, «заслуживают внимания».

Разделяя общий взгляд современников на увядание, деградацию старинной песни,¹² Иваницкий тем не менее расходился со многими из них по вопросу определения художественной ценности новой народной песни, утверждая, что склад этой песни «вообще не дурен, иногда песня составлена так правильно, стих так гармоничен и мера слов в нем до того оригинальна, что нельзя не подивиться, вспомнив, что песня сложена крестьянской девицей, не только не имеющей понятия о версификации, но совершенно неграмотной».

Около 1892 года Шейн получил от Иваницкого второй объемистый сборник,¹³ содержащий 783 песенных текста. В отличие от «гровского» данный сборник не имел предисловия и песни в нем были строго систематизированы по отделам (любовные, бытовые, игровые, свадебные причеты, свадебные песни, сатирические, повествовательные и перегудки); из новых записей в него вошло немного: в значительной доле сборник повторял предыдущее собрание.

Добровольная и безвозмездная передача Иваницким в полное распоряжение Шейна фольклорного материала сыграла решающую роль в сближении между собирателями. Шейн видел в лице Иваницкого в высшей степени полезного для своего дела человека, всецело расположенного к нему и его занятиям, готового служить словом и делом его предприятию. Иваницкий же усмотрел в Шейне опытного фольклориста, добросовестного и авторитетного редактора-издателя, друга и товарища по труду и положению.

¹¹ В сборнике, как указывает автор предисловия, их более половины. К сожалению, ни под одной из записанных песен не поставлена фамилия исполнителей. Однако нельзя сомневаться, что большая часть песенных текстов с указанием места записи «с. Несвоейское» (родина А. Брянцевой) принадлежит Брянцевым.

¹² «Старая песня, — говорит собиратель в том же предисловии к сборнику, — выключена народом из своего репертуара, исключая свадебных причетов и свадебных же песен и сохранилась только в памяти старых людей, но память изменяет и песен во всей неприкосновенности остается немного».

¹³ Архив АН СССР, оп. 1, № 88.

Чуткий и отзывчивый, Иваницкий с большой симпатией и сочувствием отнесся к Шейну. Его письма к Шейну из Кадникова, а затем из Петро-заводска, куда Иваницкий перебрался в 1895 году на должность секретаря губернского земского управления, согреты душевной теплотой и полны безграничного доверия к вновь обретенному другу. С живейшим интересом и вниманием он следит за ходом работы Шейна над великорусским мате-риалом и за продвижением его в печать.

«Если бы я был в Петербурге, — высказывается он в одном из писем, — я бы первым делом явился к Вам с предложением своих услуг по части переписки, корректуры, всего, в чем моя помощь могла бы быть полез-ною».¹⁴ В другом письме (17 апреля 1894 года) он, поблагодарив Шейна за высылку в подарок сборника «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края» (т. II, СПб., 1893), в несколько шутиливом тоне пишет:

«Я читаю книгу Вашу понемногу, за чаем, и так как выпиваю его больше, чем обыкновенно, то это служит доказательством, что книга Ваша меня увлекает. Что же будет, когда станут издаваться великорусские сбор-ники. Но пусть я обопьюсь, только бы они выходили скорее».

И Иваницкий с огромным нетерпением ждал появления «Великорусса», надеясь увидеть эту «драгоценную книгу» во всех отношениях образцовой. «Появлению в свет в лучшем виде Вашего детища, — пишет он Шейну 9 октября 1894 года, — я порадуюсь от чистого сердца».

Бодрое и утешительное слово Иваницкого звучало постоянно, как только он сталкивался с очередным несчастьем друга. «С ударом, который Вам грозит,¹⁵ — писал он Шейну 12 февраля 1897 года, — как бы ни было, а надо примириться, все же у Вас остается то утешение, что Ваши много-летние труды не пропали даром, как это зачастую случается с другими, оценены по достоинству всеми и Вы будете, конечно, иметь эту радость не один год любоваться ими в том виде, в какой Вы мечтали их обратить, т. е. в виде напечатанных книг. И с Вами будут радоваться все истинно-русские люди». И далее: «Жизнь... сплошное страдание с маленькими про-светами радости, как осеннее небо. Надо как-нибудь мириться. А все-таки жизнь стоит того, чтобы жить, в ней есть много интересного и иногда один день радости искупает целые годы муки. Вот хоть бы Вас ждут дни боль-шого счастья, когда Вы сможете держать в руках Ваши книги, а я радуюсь тому, что тут будет и моя долька, нет для меня ничего выше радости, как способствовать другому человеку пользоваться радостью».

В конце октября 1897 года в Петербурге состоялась первая, правда милолетная, встреча Иваницкого с Шейном. «Пребывание мое у Вас оста-вилось во мне чрезвычайно приятное впечатление», — признавался он Шейну.¹⁶

Три месяца спустя, в январе 1898 года, вышел, наконец, из печати первый выпуск первого тома «Великорусса». В него вошло и 69 песен записи Иваницкого (позднее, во втором выпуске, Шейн из рукописных сборников Иваницкого перепечатал еще 216, из них свадебных 214 и похоронных причитаний 2). Как же встретил Иваницкий давно и с таким нетер-пением ожидаемую книгу?

Вместо восторженного отзыва он направил составителю деловое, по-будничному прозаическое письмо,¹⁷ в котором, отметив достоинства си-

¹⁴ Письмо от 21 февраля 1892 года.

¹⁵ Смерть жены (Н. Н.).

¹⁶ Письмо от 30 октября 1897 года.

¹⁷ Письмо от 12 февраля 1898 года.

стемы, хорошую печать и изящество издания, указал на большое количество опечаток и «очень досадные» недосмотры. Перечень замеченных опечаток и недосмотров (только по своим песням) он тут же изложил, а затем продолжил в последующем письме.¹⁸

Шейн как редактор-издатель не только не удовлетворил, но и разочаровал Иваницкого. Однако, не желая огорчать друга и портить с ним приятельские отношения, он не высказал ему этих чувств. Зато тем настойчивее, хотя и в очень деликатной форме, он стал просить Шейна, чтобы тот пересылал ему на просмотр корректуры второго выпуска, заверяя, что держать корректуру для него не только не было бы затруднительным, но и доставило бы удовольствие. Предложения Иваницкого остались без ответа.

В 1898 году Шейн занялся усиленными розысками материалов для второго выпуска «Великорусса», в чем просил содействия Иваницкого. Иваницкий ответил ему письмом, в котором замечательно отчетливо выразились демократическая настроенность, оптимизм, сердечность и тонкий юмор его автора.

«Что Вы говорите о необходимости собрать еще сведения по поминальным обрядам, — писал Иваницкий Шейну 10 июля 1898 г., — то я не вижу в этом неотложной надобности, во-первых, потому, что все погребальное и поминальное не представляет никакой радости, во-вторых, сколько Вы Вашего Великорусса не дополняйте, никогда его не наполните, а главное, надо вспомнить писание, где сказано, что нищих Вы всегда имеете с собою, меня же не всегда. Наконец Иисус Христос] придет непременно, я же уже не приду и если мы с Вами не проведем вместе хотя бы недели две теперь, пока еще не поздно, то не проведем уже н и к о г д а. Или Вы надеетесь, что мы встретимся на какой-нибудь планете? Во-первых, мы, может быть, назначены на разные планеты, во-вторых, и та единственная планета, которая по условиям своим оказывалась подходящей к нашей, Марс, теперь по новейшим исследованиям оказывается не таковою: каналы, говорят — обман зрения, снег на полюсах — не замерзшая вода, а замерзшая углекислота и пятна, которые предполагались морями из воды, оказываются морями, но из жидкой углекислоты. Вот так разочарование! Я, впрочем, этому не верю, тем более, что это было опубликовано в Правит[ельственном] Вестнике и внушено, вероятно, Победоносцевым, в своих видах, конечно. — Так вот поразмыслите об этом, сидя на берегу балтийской лужи, которую тоже называют морем только по предписанию, затем плюньте в эту лужу и приезжайте в Петрозаводск. Здесь Вы сколько угодно достанете плакальщиц, которые Вам продиктуют и поминальные и погребальные песни, если уж они Вам так приспичили. К. Ф. Филимонов выпишет Вам из Пудожа или из Вытегры причитальщиц, говорю это не в шутку, а совершенно серьезно».¹⁹

Осенью 1898 года в Петрозаводске состоялась вторая дружеская встреча Иваницкого с Шейном. Затем произошла размолвка и окончательный разрыв. Для Иваницкого эти события как раз совпали с очень сложным и тяжелым периодом в его жизни: хлопоты о переезде на службу в Петербург, куда он всей душой стремился,²⁰ окончились полнейшей не-

¹⁸ Письмо от 27 февраля 1898 года.

¹⁹ Архив АН СССР, оп. 2, № 78.

²⁰ Между прочим, о переводе Иваницкого на службу в Петербург усиленно, но безрезультатно хлопотали А. А. Шахматов и В. И. Ламанский. Иваницкий соглашался занять «самое скромное место» в столице, лишь бы это место давало ему возможность «существовать и работать по душе». Ему представлялось, что он мог бы быть «хорошим библиотекарем, корректором, консерватором ботанического или этнографического отделе-

удачей; оставалось одно из двух: или очутиться вовсе без работы и, следовательно, без каких-либо средств к существованию, или, в лучшем случае, быть зачисленным мелким чиновником переселенческого бюро с отъездом в далекий Уссурийский край. И вот в это время на страницах «Живой старины» появились перегудки, записанные, как было указано в журнале, Иваницким и Шустиковым. Для Иваницкого это было неожиданным, так как редактору журнала В. И. Ламанскому он, кроме статьи «Сольвычегодский крестьянин», ничего не посылал и ничего печатать не просил. В письме к Шейну Иваницкий прямо указывает, что перегудки Ламанский извлек из его рукописного сборника, когда-то пересланного на хранение в Русское Географическое общество, и опубликовал без его ведома.

Такое объяснение не удовлетворило Шейна. Он обвинил Иваницкого в неблагоприятном поступке, а именно в том, что тот позволил свои записи, безвозмездно переданные в свое время в руки Шейна, переслать в «Живую старину» и напечатать без его ведома и согласия.

Накануне отъезда Иваницкого из Петербурга в Уссурийский край, куда он был, наконец, назначен, состоялось третье свидание его с Шейном. Свидание было последним и холодным. Иваницкий покинул его с твердым намерением быть у Шейна только перед самым отъездом, чтобы «протеститься навсегда».

Однако этому намерению не суждено было осуществиться. Очередное письмо Шейна ускорило развязку и заставило Иваницкого высказаться «начистоту».

«„Письмеццо“ Ваше в Петрозаводск, — пишет Иваницкий, — было вовсе не „вопросительным“, а прямо обвинительным; ведь оно у меня сохранилось. Вы выражались именно так: „Конечно, Вы сделали это без злого умысла, а по забывчивости“, затем сказано: „Вы напечатали в «Ж. Ст.» перегудки“ и т. д. Разве это вопросы, а не обвинения в скверном поступке? С „вопросительным письмеццом“ следовало обратиться не ко мне, а к Ламанскому, он бы Вам и ответил, что я ему ничего не посылал, тогда бы отпала надобность бросать мне в лицо обвинение. Но это еще не так важно. Это было сделано необдуманно и простительно. А вот тот факт, что, увидев перегудки, Вы тотчас же наклеузничали на меня Шахматову, — это уже непростительно. Это уже было сделано обдуманно и честь Вам не делает. Я это предусмотрел и, по получении Вашего письма, тотчас написал Шахматову, объяснил, как было дело, потому что мнением обо мне Шахматова я весьма дорожу, а Вы это мнение, очевидно, хотели поколебать. Зачем же говорить после этого о какой-то дружбе и нежных чувствах. Кого я действительно люблю, с кем я неллицемерно дружен, я отношусь к тому в высшей степени осторожно, потому что знаю, что любовь крайне чувствительна. Я был с Вами дружен, и, кажется, за все годы Вы не находили ни в письмах моих, ни в словах (при личных свиданиях) ничего такого, что могло бы задеть нежные струны дружбы. — Вы же поступили со мной не так». «Между тем Вы, — говорится далее в письме, — воспользовавшись моими песенными записями, поместили их в Вашем сборнике в таком виде, что я краснел со стыда за Вас, читая их. Вы допустили в них такие опечатки и даже искажения (наприм. пропуск целых строк), которых не допустил бы ни один порядочный издатель. Ведь публика-то, читая песни, думает, что я их так записывал! Однако я не поднимал из-за этого гвалта, а только решил, что если 2-й выпуск будет подобен 1-му, я стану протесто-

вать печатно, что и сделаю. И Вы еще после всего этого решаетесь высказывать дикие претензии на то, что я не явился к Вам тотчас по приезде в Петербург и не иду теперь. Ваше самомнение просто поразительно, Ваше хвастовство переходит всякие пределы. И что Вам в моей дружбе и даже знакомстве? Вы взяли с меня все, что могли взять, ну и оставьте меня в покое... Сестра моя просила передать Вам, что она в настоящее время настолько занята, что ей решительно нет возможности думать о гостьбе, я же усердно прошу Вас возвратить мне тетрадь моих стихотворений (о чем еще просил из Петрозаводска) и затем, пожелав Вам всех благ земных и небесных, остаюсь Н. Иваницкий».²¹

Так оборвалось многолетнее знакомство двух собирателей. Что же лежит в основе решительного разрыва отношений между Иваницким и Шейном?

Отрицательные черты личного характера Шейна, его мелочная придирчивость и высокомерие, с чем никак не мог мириться и чего не переносил Иваницкий, сказались, конечно, резко отрицательно на дружбе, но причину разрыва нужно, как нам кажется, усматривать не только в этом. Разность общественных позиций — вот что, по-нашему, в конечном счете определило это разрыв. Н. А. Иваницкий был демократом по убеждениям и атеистом; Шейн же в лучшем случае занимал умеренные буржуазно-либеральные позиции и отличался глубокой религиозностью.²²

Вскоре Иваницкий вместе с очередной партией переселенцев выехал на Дальний Восток, в Никольско-Уссурийск, где заболел тифом и скончался 11 ноября 1899 года.²³

²¹ Письмо от 12 октября 1899 года.

²² Н. В. Новиков. Шейн как собиратель и издатель русского и белорусского фольклора. Автореферат. Л., 1953.

²³ Перед отъездом из Петербурга Иваницкий вручил А. А. Шахматову в полное его распоряжение свои автобиографические «Записки одинокого человека» в количестве пяти рукописных книг, охватывающие период с 1847 по 1899 год (см. письмо Иваницкого к Шахматову от 6 февраля 1899 года — Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 582). К сожалению, обнаружить «Записки» в архиве Шахматова нам не удалось. При публикации отрывков из записок Иваницкого в журнале «Север» Я. Кузьмин и И. Перфильев пользовались, по-видимому, не шахматовским, а каким-либо другим рукописным экземпляром.